

каждого из трех основных выделяемых периодов византийской дипломатии. Ранневизантийская дипломатия IV–IX вв. анализируется Е. Хрисосом, отметившим в качестве принципиального изменения за эти столетия в принципах и целях дипломатии – отказ от политики экспансии. Однако для Юстиниана мир не был “миром равных”, но скорее классическим *rex Romana*, утверждаемым, если надо, силой. Мирные договоры с арабами в VII в. символизировали признание за ними доминирующего положения на востоке ойкумены. Теми же идеями отмечены и соглашения с ломбардами и аварами. Так, цели сохранения (и восстановления) изначальных границ Римской империи уступали место концепциям “оборонительного универсализма”.

Д. Шепард, рассматривая византийскую дипломатию следующего периода – вплоть до 1204 г., – показывает, как обостряется активизация византийского экспансионизма в его начале рядом последовательных сокрушительных поражений Византии (Манцикерт – Мириокефал – Крестовые походы). Если византийская дипломатия IX–X вв. исходила из позиций неприступности Константинополя, то уже в XII в. все государство было принципиально доступно и проходимо для реального или потенциального врага. На смену гордому государственному изоляционизму приходит реальность взаимосвязей с внешним миром. Действительно, постепенно династические браки с иноземцами становятся правилом, императорская гвардия также формируется из наемников из дальних стран, они одариваются византийскими титулами и большими суммами денег. Традиционная дворцовая дипломатия василевсов дополняется по необходимости дипломатией компромиссов на переговорах.

Заключительный этап эволюции византийской дипломатии анализируется Н. Икономидисом. Характерной особенностью этой эпохи представляется оппозиция глорифицированного прошлого и суровой действительности, реалий настоящего. Однако интересным парадоксом эпохи можно считать по-прежнему почтительное отношение иноземных дипломатов по отношению к Византии, словно не замечаящих ее превращения в маленькое по территории государство, отмеченное чертами декаданса.

В условиях обострявшегося внешнеполитического противостояния важнейшими моментами дипломатической деятельности становятся религия, церковь, идея православия. Анализируя состав и руководство поздневизантийских посольств, исследователь приходит к выводу о повышенном внимании к формированию посольской дипломатической службы, в которую попадают неслучайные люди, представители знатных фамилий, преданных императору, эрудированные клерики, образованные ученые-гуманисты, появляются и представители предпринимательских кругов. Практически единственной главной целью дипломатической активности Палеологов, значительно большей, чем в предыдущие периоды, оказалось лишь продление

жизни государства. Путем нередко столкновения противников друг с другом эту агонию удалось растянуть на целых два столетия, и с этой точки зрения палеологовская дипломатия может быть оценена как необычайно успешная.

Ряд работ книги посвящен отношениям Византии со своими контрагентами. Ю. Херрин рассматривает отношения с Римом и франками в VII–VIII вв., Т. Нуна – особенности связей с казарами, заключение династических браков с которыми в VIII в. соседствовало с непосредственными столкновениями в Причерноморье; Х. Кеннеди характеризует византийско-арабскую дипломатию на Ближнем Востоке со времени утверждения ислама до середины XI в., выделяя аспекты культурно-эстетических взаимовлияний. Соотношение дипломатии и идеологии характеризуется С. Франклином в связи с реакцией византийской церкви на происходившие изменения в древнерусской княжеской иерархии в середине XII в.: на международную арену выходили новые центры “всёя Руси” – на северо-востоке государства Рюриковичей с утрачивающим свое значение Киевом. К. Хопвуд касается дипломатических контактов Византии с турками-османами.

Специальный раздел книги посвящен источниковедению византийской дипломатии. Так, Р. Скотт возвращается к передаче Иоанном Малолой византийско-персидского мира 532 г.; К. Шуммер – к свидетельствам Лиутпранда Кремонского, выявляя источник различий “посольства” и “возмездия”; М. Маллет обращает внимание на язык дипломатии с присущими ему формулами, аллюзиями, этикетными особенностями. Специально хочется отметить работу И. Шевченко “Перечитывая Константина Багрянородного”, выделяющуюся и по форме, и по объему, и по содержанию. Мистическим образом оценку как свидетельствам Константина Порфирогенита, его современников и последователей, так и научным исследованиям о них дает... сам багрянородный василевс, от имени которого (в виде, как сообщает американский византист, полученного письма “из Уранополиса”, т.е. с небес) и ведется повествование. В тексте письма-эпопеей прежде всего дезавуируется авторство Константина столь многочисленного количества литературных сочинений, сохранившихся под его именем (в том числе и Жизнеописания Вас依лия). Во вторых, обращается внимание на преувеличение распространенного в науке мнения об учености вдохновителя “македонского ренессанса”, о чем свидетельствами современники и непосредственные литературные исследователи Константина. Вообще вновь помечается печатью скепсиса не само понятие “ренессанса”, почти не известное литературе самой эпохи македонских правителей. Количественные подсчеты использования текстов античных авторов в компендиумах под именем Константина показывают и сравнительно небольшой удельный вес классического наследия в большинстве из них – от 0,5–2 до 10%. Критике подвергнут и ставший триумфом тезис об элитарности языка и стиля Константина: напротив, с языково-стилисти-